

ВАЛЕНТИНА ИВА

Берёзовый листок

Валентина Ива

Берёзовый листок

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42803266

Берёзовый листок: Десятая Муза; Саратов-Москва; 2019

ISBN 978-5-907122-50-5

Аннотация

Как бы печальна не была жизнь – она всё равно прекрасна. Прекрасна в утреннем рассвете и вечернем закате, прекрасна в смене времён года и рождении новой жизни. Никогда ни при каких обстоятельствах не стоит унывать. Спасайтесь от тоски и печали юмористическими рассказами Валентины Ивы, которые каждый день синтезирует жизнь, а автор просто их записывает...

Все персонажи рассказов вымышленные, а совпадения случайны.

Содержание

Два осла	7
Окружающее бытие	13
Азартные игры	20
Друзейный чел	27
Возвращение	34
Писательский клуб	45
Иллюзия присутствия	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валентина Ива Берёзовый листок

© В.И. Остапенко, 2019

* * *

BATAILLE DE MARSY

Два осла

Наш отряд российско-монгольской экспедиции разделился. Основной контингент остался на озере Дурген-Нуур на западе Котловины Больших озёр Монголии, а нас, двоих научных сотрудников института Северцова и члена экспедиции от монгольской стороны Цэвена Мядага, перебросили на Чёрное озеро по-монгольски: Хар-Нуур.

Институт проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова являлся научно-исследовательским институтом Российской академии наук еще с советских времён. Он активно занимался, да и сейчас продолжает, проблемами общей и частной экологии животных, биоразнообразием, поведением и эволюционной морфологией животных, а также разрабатывает рекомендации по охране природы.

Совместные экспедиции с монголами продолжались уже несколько лет и не были для нас какими-то уникальными, так как из года в год мы колесили по Монголии с севера на юг и с запада на восток. На Чёрном озере мы не были ни разу, но знали, что озеро пресноводное, на западе в озеро впадает река Чоно-Харайх. На юге соединено узкой протокой с широким и протяжённым пресным проливом Хомын-Хоолой, который впадает в горько-солёное озеро Дурген-Нуур, где остался наш основной отряд.

Мы выгрузили наш небольшой скарб в 30 метрах от бе-

рега, машина уехала. Забрать нас обещали через две недели. Первая половина дня подходила к концу, и мы понимали, что нужно ставить палатку, налаживать быт и приготовить что-нибудь поесть, а есть сильно хотелось. С палаткой справились быстро. Крепкая, с зашнурованными бортами, из надежного прочнейшего брезента она представляла собой почти что крепость, то есть не хуже монгольской юрты. Осмотрев извилистые пологие берега, мы разделили работу по приготовлению пищи: Цэвен принялся чистить картошку, наполняя ею небольшой котелок; я отправился за водой на озеро с двумя объёмными ведрами, а Николай Петрович, научный сотрудник, ловко и весело собирал сушняк и высушенный кизяк для костра. Необыкновенная тишина окружала нас, и только потрескивание веток в костре нарушало её магию. Вдали, почти на горизонте, нарисовались две движущиеся точки. Степная зона, почти без деревьев, давала возможность наблюдать всю бесконечность степей до самого горизонта. Две точки неспешно приближались и мелкой трусцой почти в унисон медленно обозначились в виде двух серых невзрачных, похожих друг на друга как две капли перцовки, осла. Мы, как зоологи профессионалы, сразу поняли, что это не куланы, а одичавшие бывшие домашними ослы или попросту – ишаки.

– О! – воскликнул Николай Петрович и продекларировал – Обратите внимание, господа! Одомашненный подвид дикого осла *Equus asinus*, сыгравший важную историческую

роль в развитии хозяйства и культуры человека! Вы не представляете, какую важную роль эти красавцы сыграли в хозяйстве многих южных развивающихся стран!

Его речь, прозвучавшая в вечерней тишине окружающей нас далёкой от цивилизации природы, магически повлияла на ослов. Они остановились как вкопанные и застыли на некотором расстоянии. Единственное, что трепетно двигалось в их облике, это ноздри.

– Заметьте, – продолжал Николай Петрович, – Все одомашненные ослы африканского происхождения, в то время как попытки приручить куланов (азиатских ослов) всегда оставались безуспешными.

Ослы вздрогнули опять от громких слов Николая и ритмично, как в синхронном плавании, сделали три шага назад и опять замерли.

– На этом, кстати, *Equus asinus(e)* на молодом, естественно, ослике, а не на каком-нибудь там старом надавленном, Христос, как Царь мира, въехал в Иерусалим в Вербное Воскресенье на Крестную Смерть, как об этом написано в Евангелии.

– Ну, ты даёшь! – воскликнул я, подходя с полными ведрами воды к костру. Ослы сделали три шага вперёд и опять замерли.

– Ну, что? Привет вам из Москвы! – громко крикнул Николай, и ослы сделали три шага назад.

– Кыш, пошли отсюда! – крикнул Цэвен. Ослы видимо почувствовали своих, родных, монгольских, и сделали три шага вперёд. Приспособив котелок с резаной картошкой вперемешку с тушёнкой на огонь, мы все трое отвернулись на секунду от костра, отвлечённые суетой бесконечных дел в полевых условиях, предвкушая ужин и отдых. Когда мы вернулись через пару минут к костру, две грязные рожи нагло хлебали воду из чистых вёдер, как будто это принесли специально для них. Моему возмущению не было предела. Какая наглость!!! Рядом озеро, иди, пей, хоть запейся, а эти две скотины как будто ждали именно меня из Москвы, чтобы испоганить чистую воду в двух пятнадцатилитровых ведрах. Я

огласил степь нашей изошрённой русской бранью. Местные равнины, поросшие кустарниками, встрепенулись от ужаса. Мужики расхохотались, а ослы нехотя отбежали метров на сто и замерли. Я, продолжая изрыгать проклятия этим эстетам местного разлива, опять отправился за водой. По дороге вспомнился случай пятилетней давности, который произошёл у меня дома, когда моей доче Маняше исполнилось всего три года. Маняша, в это чудесное время, страшно обожала всё открывать. Ящики столов, она выдвигала мастерски, все шкафы были нараспашку, а отклеивание крышечек у детских творожков, которые даже я не всегда ловко отрывал, она своими тоненькими пальчиками легко поддевала и молниеносно отрывала. Вот однажды я притащил из магазина массу продуктов. Маня встретила меня в прихожей как всегда радостно и весело. Пока мы с женой пристраивали картошку с капустой по местам на кухне, в прихожей Маняша сняла с банки со сметаной крышку, а заодно и со стаканчика с шоколадным творогом. Когда мы вышли забрать остальные сумки с продуктами, нашему взору предстала такая картина: в банке со сметаной по самые уши рылась кошка Муся, сладостно причмокивая, а Маняша до самых бровей вымазанная шоколадным творогом приговаривала: – Ешь-ешь, поправляйся и гладила кошку по хвосту.

Что самое удивительное: в рабочем, производственном, научном и любом другом коллективе всегда найдется какой-нибудь осёл, который залезет с ногами туда, куда его не

просят и обгадит то, что не для него приготовлено.

На следующий день мы обнаружили около палатки наш крепко упакованный баул с хлебом, который эти мерзкие животные выволокли из нашей, как нам казалось, надежно запертой палатки. Палатка-то была заперта, но ослы умудрились разорвать на ее правом боку брезент и в дыру выволокли весь наш хлеб. Баул был уже не с хлебом. Он был пуст. Как можно столько сожрать и не подавиться? А ведь сожрали. Недаром они ноздрями трепетали, до того как окунули морды в ведро. Ослиный праздник живота, несмотря на «опасность», которую мы всячески изображали, и наши свирепые рожи, привязал их к этому месту на веки вечные, аминь! Невозможно забыть то место, где ты наелся ароматного свежего хлеба до отвала и запил всё это ключевой водой. Как только два осла появлялись на горизонте, Цэвен заряжал ружьё и стрелял в воздух. Ослы рывком отбежали на небольшое расстояние и синхронно возвращались обратно, потряхивая ушами в такт копытам. Но единожды нажравшись вволю, вора тянет на место преступления. Хорошо, что нас забрали не через две недели, а раньше, иначе от этих «мирных» животных нам было не спастись...

Окружающее бытие

– Сейчас другие времена! – часто говорит молодое поколение. Это, какие же другие? Когда бытие определяет сознание? Или, когда сознание корректирует это самое бытие? Или может быть, когда битвё, в воспитательных целях, тоже определяет сознание и желание откорректировать не совсем хорошее поведение человека. Моя подруга старательно и достаточно долго либеральничала в воспитании ребенка, провозглашая незыблемость прав и индивидуальных свобод человека, но однажды, наблюдая, как малышка нагло грубит бабушке, не выдержала и всыпала вредине по первое число. Как резко изменился характер малышки. Он превратился в шелковый пионерский галстук, и характер улучшился и атмосфера в семье. Получается, что предисловие к «К критике политической экономии» Карла Маркса абсолютно верно. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», то есть имеющиеся в наличии плохие настроения, пристрастия или недостатки, легко корректируется с помощью окружающего общественного «битвья». Имеющийся от природы характер, конечно же, формируется средой, но внутренняя сущность человека способна на многое, если развивать её положительные стороны.

Времена не выбирают, в них живут и умирают, как сказал

поэт. На то и многообразие жизни, чтобы увидеть её феерические оттенки в поступках и эмоциях человека и если требуется откорректировать их неверное течение.

Закончился Учёный совет, и профессора медленно расползлись по кабинетам. Вопросы, поставленные на совете, требовали немедленного решения, но некоторые другие могли бы и подождать. Маслитый профессор Евгений Петрович Сидоров, интеллигентный умница, деликатный и талантливый, развил своё «Эго» согласно психоаналитической теории, то есть его главная часть личности осознавалась как «Я» и находилась в контакте с окружающим миром посредством восприятия. Его «Эго» осуществляло планирование, оценки, запоминание и своими собственными путями реагировало на воздействие физического и социального окружения. Помимо масштабной научной деятельности, присутствовало трепетное отношение к алкоголю, и даже можно было бы сказать, нежная любовь к последнему. Он не торопясь отправился в конце рабочего дня в кабинет другого научного сотрудника Рената Муратовича Турсун-Заде, где собирался подписать рецензию на статью своего аспиранта. Ренат Муратович, хлебосольный восточный мужчина, консультировал пациентов как врач и делал научную карьеру, но пока еще не дорос до профессора. Теплая встреча с объятиями переросла в чаепитие и подробное обсуждение темы статьи. По окончании встречи Ренат Муратович вдруг воскликнул: – Что я сейчас тебе Евгений покажу! Ты такого не видал!

И он распахнул дверцу шкафа, за которой в три ряда стояли спиртные напитки и в четыре ряда лежали коробки конфет, принесённые благодарными пациентами. Запустив руку в глубину шкафа, Муратович извлек деревянную коробку, на которой золотым тиснением сверкала надпись *Beluga Transatlantic Racing*.

Евгений Петрович сглотнул слюну, предвкушая дегустацию. Его готовность составить компанию по вкушению такого шедевра русской промышленности вызвала холодок, пробежавший между лопаток и слабую дрожь в коленках. Волосы на всём теле слегка встали дыбом и в душе запели соловьи.

Муратович принялся зачитывать следующие надписи: – Тип водки: Классическая. Класс водки: «Супер». Бренд: Белуга. Страна: Россия. Температура подачи: 6-8°C. Срок годности, заметь, – не ограничен при соблюдении условий хранения. Ты представляешь! – воскликнул Муратович, – Многие годы история производства водки *Beluga* и судьба крупнейших яхтенных соревнований тесно переплетены, – продолжал он, – Лидерство и успех – вот девиз такого напитка! Тут еще написано, что мастера купажа подарили *Белуга Транс-атлантик Рейсинг* тонкость вкуса с помощью настоя ячменного солода. Мягкий, обволакивающий вкус достигается благодаря дополнительной фильтрации через натуральный хлопок, который является отличным природным абсорбентом. Свежий, особенный аромат, напоминающий лег-

кое дыхание бриза – визитная карточка Beluga Transatlantic Racing.

Восторженный взор Муратовича сверкал как алмаз. Он поднимал коробку и опускал её. Он восхищался щедростью пациента, который не поскупился на такой презент. Не какие-нибудь там пол-литра, а целых 0,7. Евгений Петрович вожделенно следил за летающей у него перед глазами коробкой и, сдерживая нетерпение души, нежно и застенчиво улыбался в ответ. Коробка попутешествовала перед очами профессора и нырнула на свое место в шкаф. Ренат Муратович закрыл дверцу шкафа. Воцарилась гробовая тишина. Сглотнув, рефлекторно выделившуюся слюну, Евгений Петрович с недоумением проводил исчезнувший драгоценный экспонат, но будучи человеком интеллигентным не вымолвил ни слова. Единственное что ему не удалось проконтролировать так это свой несколько приоткрытый рот, который распахнулся сам собой в тот момент, когда бутылка исчезала в недрах наполненного алкоголем шкафа. Есть ли название у того чувства, которое испытывает организм человека, когда не исполняются его страстные почти что рядом пролетающие и задевающие крылом желания? Разочарование охватило все члены, мышцы и мысли профессора. Ощущение утраты чего-то близкого, родного и такого желанного, вызвало учащенное сердцебиение. Он, укладывая рецензию в папку, выполнил странный пируэт и рассыпав бумаги, принялся их собирать, приговаривая, что ему давно пора идти, и он засиделся.

Несколько слов о хозяине кабинета. Ренат Муратович не был жадным человеком. Он прекрасно знал и о научном потенциале Евгения Петровича и о его пристрастии к спиртным напиткам. Что двигало его мыслями и рукой, когда он размахивал вожделенной бутылкой перед носом профессора, одному богу известно. Но, сколько различных эмоций претерпел каждый из них в этом контакте бытия? Сколько физиологических процессов произвели их организмы, подчиняясь мысленным импульсам? Сколько других великолепных моментов могло бы быть: если бы они все-таки выпили по три рюмки водки или прикончили бы её всю до капли, и расстались бы как родные? Об этом история умалчивает. Чего не случилось, того стало быть не произошло. Но поверьте, прикончить до капли и расстаться как родные – это ли не самое главное в жизни человека!?

Азартные игры

Пока американские правила по тестированию в школах и институтах не обрели в России масштабы всеобщего оглушения учащихся, тыкающих в один из четырёх предложенных ответов; пока высшее образование отличалось от профессионального, приобретённого в техникумах или училищах и было на самом деле высшим, а не бакалавриатским; пока дети еще не могли угрожать своим любящим родителям карой правосудия за физическое наказание в виде ремня и угла за проступки; пока игра в Лото на деньги (смысл слова ДЕНЬГИ в данной игре поясню: ставка по рублю; курс к доллару – 1 рубль стоит 0,014 доллара), не была АЗАРТНОЙ, а была просто обыкновенным летним дачным времяпрепровождением: мы отчаянно и самозабвенно играли на даче по вечерам в лото в компании 90 летнего дедушки, моего мужа, моего пятилетнего внука Коли и такого же племянника Андрюши.

Библейская Притча 13.24 гласит: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». Сразу делаю ремарку: не лупить как у Горького по субботам всех по очереди, а шлёпнуть по попке, чтобы не зарывался – очень полезно и для воспитания, и для хорошей психологической атмосферы в семье.

Какое замечательное время, летние вечера на даче, запах

цветущего жасмина, шумящие от ветерка огромные до небес берёзы, чаепитие на терраске среди дачных комаров, мелких, пролезающих во все щели и увлекательная игра в лото с выкрикиванием поначалу непонятных детскому уму слов: барабанные палочки (11), два топорика (77), дедушка (90), поцелуйчик (88), а потом выученных наизусть и так пламенно произносящихся, когда мальчишкам выпадало счастье вести игру. В процессе игры, напившийся крови комар на лбу у Андрюшки, был абсолютно не замечен, так как скорость выкрикивания цифр дедушкой молниеносная и бескомпромиссная не давала возможности дремать и чесаться, только когда наглый комар приобрёл вид мелкой сливы (как только он не лопнул от жадности), Андрюха хлопнул себя по лбу и утонул в крови (шутка). Какие страсти разгорались за столом! Как расстраивался Андрюшка, если выигрывал не он, и как был сдержан Коля при таком же раскладе! Налицо разные характеры и соответствующее поведение. Ну, уж, а как радовался дедушка, когда выигрывал – это отдельная картина на масле.

Однажды мама Андрюшки привезла на дачу племянника и тут же уехала по очень срочным делам. Он с порога категорически заявил, что приехал к нам на неделю с совершенно конкретной целью заработать денег. Вся наша семья была в сборе, и при такой откровенной информации сумела сдерживать хохот, виду не подавала и на полном серьёзе пожелала Андрюхе удачи, так как без удачи в лото не садись, да и за

любую другую игру тоже. Чтобы заработать, для этого требовалось каждый день играть в лото и, соответственно, выигрывать. Прошлый заезд Андрюхи отличался феерическим куражом, но он приехал без денег и дедушка ему одолжил для игры целых пять рублей. Что можно купить на пять рублей? Я точно знаю – на пять рублей можно купить пустой полиэтиленовый пакет в продуктовом магазине «Пятёрочка»! Но эти пять рублей были настолько счастливыми, что принесли удачливому Андрюшке целых восемь выигрыша. Дедушка по причине склероза долги требовать не стал и Андрей все свои «сольдо» запрятал в кубышку.

– Ты деньги-то с собой взял для игры в лото? – сурово спросила я. Тут началась вторая картина маслом. Растерянные глаза Андрюхи наполнились слезами так быстро, как заполняется электрический чайник фильтрованной водой товарищем, опаздывающим на работу. Его фигурка заметалась между окном, за которым удалялась мамина машина и дверью, чтобы догнать её немедленно, и выпросить на первую ставку. Потом он понял, что поезд не догнать и молча выразительно перевёл взгляд и уставился на своего прошлоразового кредитора девяностолетнего дедушку, который в свою очередь, помнил, конечно, не всё, но, тем не менее, просёк ситуацию и «включил дурака», что он и выполнял мастерски время от времени.

В нашей дачной жизни «включить дурака» – это значило слышать и видеть только то, что хочется, и не слышать и не

видеть всё остальное, самоустранившись от всяких хлопот и неприятностей. Дедулька не собирался субсидировать своего внука, и не понимал никаких выразительных или умоляющих и красноречивых взглядов.

Теория «включения дурака» требует подробного изучения. Мне кажется, что можно защитить по психологии не одну диссертацию, при этом, я вас категорически уверяю, что терапевтический эффект для того человека, кто этим методом пользуется, весьма положительный. Человек в прямом смысле слова сохраняет свое физическое и психическое здоровье, пребывая при этом в довольно комфортном состоянии. Но, заметьте, именно своё, так как закон сохранения энергии гласит: ничего ниоткуда не берётся и никуда не исчезает, а переходит из одного состояния в другое. Таким образом, тот, кто «включил дурака» и занялся своими любимыми делами, оставляет нелюбимые дела тем, кто не успел его включить! А кто, что называется, не успел, тот соответственно – опоздал. Ну, понятно: если включили ВСЕ, то в доме ХАОС и РАЗРУХА!

Взгляд Андрюшки умоляюще трогательный, отчаянный и растерянный (при этом, заметьте, он не произносит ни слова, так как помнит, что должен деду...). Какой высокий накал драматизма! Кстати, я едва сдерживала смех, и казаться серьёзной мне было весьма непросто. Каждую минуту я могла взорваться хохотом. Мне было жаль несчастного Андрюху, но я терпела. Вот-вот была готова предложить ему свою по-

мощь.

– У меня тоже нет денег! – трагически произнёс Коля.

– А как же вы играть собрались? – саркастически внёс свою лепту дед.

– Азартные игры отменяются в таком случае! – весело заключил муж, внимательно следя за физиономиями участников спектакля под названием дачная житуха.

Ничего так не растаптывает человека, как несбывшиеся надежды. Слезы, переполнившие берега детских глаз хлынули ручьем, и затопили всю терраску. Коля нежно и логично убеждал Андрюшку не расстраиваться. Его философское восприятие жизни сохранилось и теперь, когда ему уже 22 года и он такой умный, красивый и даже мудрый юноша. Я, в связи с этим вспомнила свою учёбу в начальных классах, когда учительница мне говорила: – Ты такая умница! На зубок знаешь все правила. Почему же ты не применяешь их в русском языке и пишешь все сочинения на двойку? Вот и Коленька такой же, так хорошо говорит, так правильно и логично, но правила, которыми он делится щедро с окружающими, не применяет для себя и всё...

Вечером того далёкого летнего дачного дня мы всей семьёй играли все-таки в лото несмотря ни на что.

Дед спонсировал безденежных, и они азартно проигрывали дедовы деньги, а дедушке везло как никогда, и он выигрывал раз за разом. Прокисшие физиономии мальчишек покраснелись от досады, но они держали марку и не хлюздили, хотя были на грани.

– Теперь-то ясно, кто решил заработать... – разочарованно произнёс Андрейка.

– Да, уж, повезло деду, все деньги выиграл!

Стемнело. Луна ярко освещала сад. Трусоватые проигравшие герои под моей защитой отправились в туалет. Звёзд-

ная ночь огромным чёрным куполом накрыла окрестности. Вдали чуть поблескивали огоньки домов. В жидких кустах сирени раздался слабый шорох, Коля метнулся ко мне поближе, прижался к боку и шепотом произнёс: – Бабушка, не бойся, город-то рядом!

Друзейный чел

Конечно, мне хватает ума не верить во всякие там гороскопы. Память у меня всегда была блестящая и никогда мне не изменяла, поэтому, если я что-то прочитал единожды, то это запоминается на всю жизнь. По гороскопу я – Скорпион. Можно сколько угодно обсуждать какими бывают люди, рожденные под этим знаком: не идущие на компромисс, уверенные в своей правоте, с колоссальным интеллектом или редкой глупостью, гуманисты, рабы собственных страстей, ядовитые, благородные, но строка, опубликованная в гороскопе за 1985 год, врезалась в мою память навсегда. В советское время гороскопы вообще не печатали. Религия и всякие там предсказания, кроме погоды, конечно, считались мракобесием, то есть враждебным отношением к просвещению, науке и прогрессу. Моя жена прикупила эту брошюру на заре так называемой «перестройки» и, убегая на работу ранним утром, забыла её на кухонном столе. Я, в этот день, на работу не торопился и, приглаживая непослушные вихры одной сонной рукой, а другой подносил ко рту чашку кислого и противного кофе, наткнулся рассеянным взором на обложку. Открыл, соответственно там, где касалось меня любимого и начитался всякой чуши о том, какое Скорпион говно. Однако фраза, что этот знак зодиака – человек ДРУЗЕЙНЫЙ, то есть для друга сделает всё, что может и жизни не

пожалует – меня успокоила.

Пока мы были молоды, мой достаточно обширный круг друзей и подруг не иссякал, а наоборот все ширился, но с течением времени, как известно, люди теряют друг друга. Моя дружейная стезя не давала мне покоя, и я не потерял никого, за исключением тех, кто ушел в мир иной. Честно говоря, они все равно со мной.

Мой университетский друг, Миша Сигал, сформировал мой взгляд на глобализм и космополитизм. Мы на эту тему много спорили и остались при своих. Несмотря на осмысление единства мира и установки интересов всего человечества в целом выше интересов отдельной нации, Миша в восьмидесятые годы иммигрировал в Израиль. Я навещал его неоднократно, как только возникла возможность выезжать за рубежи нашей Родины. Конечно, я навещал не только его, но и своих друзей и родных в любимом городе детства Новгороде, откуда уехал в Московский университет и так и остался на Средне-Русской и Смоленско-Московской возвышенностях.

Время, время. Оно бежит как вода в горной реке. Мой очередной приезд к Мише в гости нарисовал картины этого стремительного течения времени. Миша плохо ходил и передвигался в коляске, а из-за дрожания рук его кормили из ложки, но это не помешало нам посещать, кстати, без очереди, музеи и выставки. У них там, в Израиле, такие льготы для колясочников естественны.

Следует заметить, что Миша глубоко образованный чело-

век в плане живописи. Ему отлично знакомы старые мастера Европы, а также все течения в изобразительном искусстве, представители этих течений, их судьбы, как в творчестве, так и в жизненных стихиях.

Желая порадовать друга, перед поездкой к нему в Израиль, я хотел посетить выставку Архипа Ивановича Куинджи, которую яростно и настойчиво разрекламировали в эфире и прессе в Москве. Попастъ на выставку не удалось, так как огромная очередь страждущих не позволила мне истратить драгоценное время перед поездкой. Перегруженный делами и рабочими проблемами, я пролистал википедию и узнал, что художник разработал яркий цвет, основанный на системе дополнительных цветов и, что для русского искусства это стало новаторством – ранее подобное средство не применялось.

Подталкивая Мишу в коляске после очередной эскапады по выставкам в Тель-Авиве к столику в кафе, я принялся, устроив его поудобнее, распространяться о том, какая масштабная выставка идет в Москве в Третьяковской галерее.

Перепутав Фамилию Куинджи с фамилией тоже на букву

«К» Караваджо, я страстно повествовал о пейзажах средней полосы. Мишу потрясло сначала то, что Караваджо выставляется в Третьяковке. Потом, когда я назвал картину «Украинская ночь» и принялся описывать её колорит и настроение, Миша разинул рот, потрясенный такой несовместимой с итальянским художником, реформатором европейской живописи XVII века, основателем реализма в живописи, одним из крупнейших мастеров барокко, который впервые применил манеру письма «кьяроскуро» – резкое противопоставление света и тени. Он никак не мог закрыть рот, а я продолжал повествовать о выходе из общества передвижников этого замечательного художника и его жизни в Санкт-Петербурге.

Когда Миша Сигал принялся хохотать проливая кофе на джинсы, я не сразу понял откуда ноги растут. И, только спустя пять минут, мы уже смеялись вместе.

Нельзя сказать, чтобы я был небрежен в терминах и будучи доктором наук, всегда придерживался точности формулировок в научных статьях и докладах, но как же весело мы хохотали, когда поняли какие мысли метались в голове бедного Сигала, когда он пытался соединить Питер, Украинскую ночь, Архипа Ивановича Куинджи и Микеланджело Меризи из городка Караваджо.

Кстати, возвратившись в Москву, я мужественно встал в очередь на выставку в Третьяковскую галерею, чтобы воочию познакомиться с творчеством Куинджи. Отстояв почти час на легком морозце, всего минус 2-3 градуса, и уже приближаясь к вожделенному входу, притопывая замерзшими ногами, я услышал диалог двух не очень молодых дам.

– Кого мы идем смотреть то? – подпрыгивая от холода пролепетала синими губами дама в короткой белой шубе.

– Кого кого? Этого самого, как его, Караваджо, что-ли!? – произнесла вторая с красным носом.

Я был в восторге!!!

Кстати, из всех знаменитостей, что рождены под знаком Скорпиона, мне больше всех нравятся: Эразм Роттердамский, Иван Тургенев, Федор Достоевский и Вупи Голдберг.

Возвращение

Можно ли в это поверить? – мальчик, юноша, молодой и красивый, успешно защитивший диссертацию в свои двадцать три года, накануне своего бракосочетания с любимой, юной, чудесной и родной девушкой, возвратившись в общежитие в одиночестве – лег спать и умер. Его сердце остановилось в четыре часа утра. И никого не было рядом.

И никто не виноват... Можно только молиться, что и спасло от невыносимой печали его мать.

Мягкий, бесснежный, не зимний декабрь празднично перевалил в январь, почти такой же вялый и влажный. Все заговорили, что зимы, в обычном её понимании, в этом году не будет: зима тёплая, а лето будет холодным и дождливым.

Информационный поток, бесконечно-агрессивный, хлещет из всех приёмных устройств и ввинчивается в уши нас несчастных, чтобы смутить или заставить поразмыслить, выработать собственное суждение или побудить защититься, заранее подстелив соломки, или подсуетиться вовремя, выудив из массива слов, мыслей и мнений что-то важное именно для тебя.

Всегда найдется тот, кто прокомментирует природу или её проявления, поступки политиков или их высказывания, множество персонажей нашей арены под названием «Жизнь»; сделает свои или проплаченные умозаключения

и огласит на всю Ивановскую этот фейерверк информации, независимо от необходимости или вредоносности этих колебаний воздуха. Мало того, всегда найдутся те, кто против этих комментариев и имеет собственное противоположное суждение, и все это варится, льётся, выплёскивается и на самом деле не имеет никакого значения.

Все погодные прогнозы оказались бессмысленными, так как наступил февраль, который завалил снегом, затанцевал метелями и обложил морозами всё вокруг, да так масштабно, что городские улицы превратились в заснеженные сказочные крепости, а деревья в парках и скверах, одетые в снежно-ледяные шубы, превратились в причудливые волшебные декорации.

Миновало триста шестьдесят пять дней и ночей. Этот невыносимый год мать вынесла, как каторжный труд – невольник. Она прожила эти секунды, минуты, часы и дни как в тумане. Младший сын обнимал её тонкую одеревеневшую шею и иссохшие плечи, гладил светлые волнистые волосы и целовал закрытые влажные глаза. Муж прижимал к себе крепкими руками, и тело её вздрагивало от рыданий, и не было никакой возможности остановиться. Ответственная работа слабо, но верно размывала чёрный туман безысходности, домашние заботы потихоньку возвращали к жизни. Одни родственники говорили, что для души умершего подавать милостыню и раздать его одежду нужно обязательно еще до сорокового дня, так как в это время он нуждается

в особой помощи, другие – что это совсем не обязательно. Существует мнение, согласно которому – наоборот – на протяжении сорока дней после смерти нельзя ничего отдавать, а нужно хранить одежду дома, так как эти дни душа его еще находится рядом.

Мама перебирала рубашки сына, гладила руками его шапку и прижимала к лицу шарф, пахнувший её родненьким мальчиком и тем парфюмом, что нравился его невесте.

В таком горе нельзя утешиться сравнением, но всё же... Течение времени, как река забвения: пьём по крохотному глоточку, и острый кровавый нож, что вчера рассекал твое сердце, притупляется, ты начинаешь видеть и слышать мир вокруг. Мама увидела страдания детей с онкологическими заболеваниями, куда их фирма поставляла лекарства, раздавала вещи сына и стала перечислять деньги в благотворительный фонд.

Слезы закончились. Сухие глаза пылали воспалённой краснотой. Оледеневшая душа застыла как безмолвный заколдованный лес.

Февраль миновал. К сугробам выше полутора метров март добавил щедрыми небесами еще метр снежного покрова и продолжил морозить москвичей и гостей столицы температурой, доходящей до минус семнадцати градусов. Что за погода? Средства массовой информации завопили по ста каналам, что весны не будет и лето пропадет... И все же восьмого марта выглянуло солнышко, с южной стороны зазвене-

ла капель, несмотря на мороз с северной стороны, а пушистые синицы затренькали весеннюю песнь.

Приглашение на литературно-музыкальный вечер и личный пригласительный билет бросили в почтовый ящик электронной почты. Эти приглашения получили все, кто совершал пожертвования в благотворительный фонд. Знаменитая актриса будет читать стихи еще более знаменитых поэтов, под аккомпанемент менее знаменитой пианистки. Всё действие состоится в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.

Пушкина.

Когда-то, в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, когда маме исполнилось четырнадцать лет, её тётушка Маргарита Евграфовна Смелянская, в девичестве Нежнова, взяла её с собой на международный музыкальный фестиваль «Декабрьские вечера Святослава Рихтера». В том году состоялись пятые «Декабрьские вечера», Рихтер исполнял Шумана. Мама обожала этот музей. Быть может, фортепианный квинтет ми-бемоль-мажор Шумана не был ей так дорог и любим, но атмосфера храма искусства, скульптуры-канделябры, столетние стены знаменитого творения Р.И. Клейна и П.С. Бойцова оставили неизгладимое впечатление в душе, какую-то теплоту и торжественность.

Множество выставок с участием величайших произведений искусства мама посетила, восходя на высокий подиум и минуя ионическую колоннаду в этом роскошном здании. Поднимая голову и всматриваясь в прозрачный потолок, ко-

торый был уничтожен во время войны бомбардировками, когда музей стоял с обнаженным нутром, она помнила, как об этом рассказывала учительница на уроках истории. Сейчас она чувствовала течение времени, изменение жизни, ощущала, как относительно и «призрачно всё в этом мире бушующем». Она двигалась, отвечала на вопросы, выполняла все необходимые действия, которые присущи живым людям, но из неё ушла любовь.

Чудесный Белый зал. Конечно, она пойдет. Вчера, накануне годовщины, ей приснился её мальчик. Она ждала его во снах целый год. Его не было столько безнадежных дней! И вот вчера он ей сказал, что у него все хорошо, улыбаясь, просил, чтобы она не волновалась. С плеч словно свалилась гора, и стало легко. Передвижники и импрессионисты смешались в Белом зале в странном винегрете. С портретов взирали давно ушедшие великие, и тихо звучал голос актрисы, как будто она говорила только с мамой, и рядом не было никого.

.....Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,

Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, роцц, могил
В свои этюды....

Сквозь ритм гениальных строк Пастернака звучал ноктюрн Шопена до-диез-минор. Мама видела сквозь слезы, что плачет не только она, но и соседка справа и даже мужчина через проход. Быть может, ей показалось, но его щека блестела, и он промокнул её платком.

После звучали Эмиль Верхан и К. Дебюсси, Артюр Рембо и опять Ф. Шопен, а когда Шарль Бодлер пустился в «Плаванье», зазвучала соната Прокофьева ре-минор, написанная в 1912 году в год основания этого музея. Девчонка лет четырнадцати, не шелохнувшись, внимала чтице, а правой рукой неистово исполняла сонату Прокофьева. Её пальчики так уверенно метались по каталогу детских работ с выставки «Подари жизнь», что стало очевидным подробное и успешное знание этого произведения композитора. Девочка исполняла его наизусть, то ускоряя ритм, то ослабевая полет, стало понятно, какой музыкальный труженик сидит рядом. В речитативе поэтических строк и в реке музыкального порыва возвращалась мама к действительности. Кудряшки на шее виртуальной исполнительницы Прокофьева, так синхронно помогавшей пианистке на сцене, вздрагивали в такт музыке.

Сидящая впереди женщина поглаживала по волосам кудрявого мальчика и иногда что-то нашептывала ему на ухо.

Чтица продолжала:

В вечерней синеве, полями и лугами,
Когда ни облачка на бледных небесах,
По плечи в колкой ржи, с прохладой под ногами,
С мечтами в голове и с ветром в волосах,

Все вдаль, не думая, не говоря ни слова,
Но чувствуя любовь, растущую в груди,
Без цели, как цыган, впивая все, что ново,
С Природою вдвоем, как с женщиной, идти.

Мама почувствовала ЛЮБОВЬ, растущую в груди, любовь к жизни, такой трагичной, не простой, тяжелой, невыносимой, изматывающей, но прекрасной, как поэзия, музыка, природа, ветер, бледные небеса, поля и луга, прекрасной, как этот Белый зал и Ноктюрн Шопена. Воспалённые красные глаза наполнились слезами не от сердечной боли, а как будто русло иссохшей реки напоилось долгожданной влагой и вернулось к жизни.

Писательский клуб

Обожаю вечера поэзии, особенно когда стихи читает кто-нибудь талантливый, например, Алла Демидова. Вечер поэзии, посвященный Иосифу Бродскому, должен был проходить в Центральном доме литераторов, где сейчас московский клуб писателей, основанный в 1934 году. Старинное здание Центрального дома литераторов необыкновенной красоты, выполнено в стиле модерн романтического направления. Особняк, почти дворец, построен в 1887 году по проекту московского архитектора Петра Бойцова для князя Бориса Владимировича Святополк-Четвертинского. До 2000 года в это здание можно было попасть только по приглашительным билетам или удостоверениям членов Союза писателей, а сейчас мы ступаем на крыльцо в величественный вход в дом, который заглублен в сводчатую сень, к которой примыкает металлическая ограда со спиральными завитками. Перед этим немного полюбовались крышей щипцовой с мансардными выносами и барочными завитками. Щипец сени крыльца, которое одновременно является балконом, украшен гербом. После князя Б.В. Святополк-Четвертинского дом принадлежал графине А.А. Олсуфьевой вплоть до 1917 года. После революции в доме проводились заседания Академии вольной духовной культуры. До 1925 года в здании размещалась городская беднота, а с 1932-1933 годов он был

передан Центральному дому литераторов, о чём, кстати, хлопотал А.М. Горький. Особняк включен в список охраняемых государством объектов архитектурного культурного наследия. Перед открытием первого писательского клуба, в 1928 году, Владимир Маяковский писал: «Не знаю – петь, плясать ли, улыбка не сходит с губ. Наконец-то и у писателей будет свой клуб». Одно время он был местом заседания самой влиятельной в России масонской ложи, а уже в советское время по просьбе Максима Горького был передан Дому писателей и затем стал Центральным Домом Литераторов. Здесь в разное время выступали Александр Твардовский, Константин Симонов, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Михаил Зощенко и др. Почетными гостями ЦДЛ были Нильс Бор, Роквелл Кент, Жерар Филипп, Марлен Дитрих, Индира Ганди, Джина Лоллобриджида. Очень приятно, что такая красота еще жива и здесь звучит вечная музыка слова.

Внутреннее убранство здания почти не менялось на протяжении веков и богато деревянной отделкой, здесь сохранились действующие камин и винтовая лестница с отдельным выходом. В конце 1980-х годов была проведена реставрация здания, которая не затронула основные конструктивные элементы, а декоративные детали интерьера были восстановлены. В здании находятся также научная библиотека ЦДЛ и один из лучших ресторанов Москвы «Ц.Д.Л.», который мы никогда не посещали, но мало ли что, быть может, у нас всё впереди?

Я как всегда опаздываю и вечно тороплюсь, но сегодня мы с мужем абсолютно вальяжно, полные достоинства и благообразия, приятной важности, настроенные на мелодию слова, никуда не несущиеся очертя голову, вышедшие сильно заранее, неспешно шествуем по залам особняка готовые к поэзии века. Отлучившись на минутку к сувенирному киоску, я издали наблюдаю за своим красавцем мужем, который с интересом разглядывает деревянную резную лестницу и расписные потолки здания. Через секунду обнаруживаю около него нелепое пожилое существо, отдаленно напоминающее женщину, а ныне старушечку в странном красном зипуне и обтягивающих опять же красных легенсах. Они мило беседуют. Белые сапоги бабушки и остатки крашенных кудряшек привлекают не только моё внимание. Старушечка искрящимися глазами пожирает моего красавца. Взгляд её удивлённый сменяется на подобие очаровательного, затем заинтересованного и далее превращается в загадочный. Когда я подошла к ним, она мило раскланялась и направилась к выходу, немного раскачивающейся несколько игривой походкой.

– Ну вот, тебя на минуту нельзя оставить, – пошутила я.

– Конечно, ответил он, улыбаясь, – морковная бабуля поинтересовалась, кто здесь сегодня? Я ей коротко ответил: Бродский. Но по её недоумённому выражению лица, понял, что она роется в памяти в поисках ассоциации с этой фамилией. Возможно, она в курсе, что это поэт и что у него до-

статочно драматичная судьба, и что его давно уже нет на белом свете. Но пауза от сказанного затянулась, она продолжала смотреть мне в глаза, и, ждала подробностей, и я растерянно добавил: не сам.

Мы рассмеялись. Я в нелепости костюма вдруг увидела даму. Наш смешливый настрой сменился на мечтательно грустный, элегический, когда Алла Демидова читала Бродского.

Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг, кому еще ты нужен,
кому теперь в друзья ты попадешь?
Воротишься, купи себе на ужин

какого-нибудь сладкого вина,
смотри в окно и думай понемногу:
во всем твоя одна, твоя вина,
и хорошо. Спасибо. Слава Богу.

Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.

Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала.

Как хорошо, на родину спеша,
поймать себя в словах неоткровенных
и вдруг понять, как медленно душа
заботится о новых переменах.

Актриса вздохнула, утопая в аплодисментах, протянула руку и жестом успокоила зал. Тихо начала читать с нарастающим громкостью голоса:

Прощай,
Позабудь
И не обессудь.

А письма сожги,
Как мост.
Да будет мужественным
твой путь,
да будет он прям и прост.
Да будет во мгле
для тебя гореть
звездная мишура,
да будет надежда
ладони греть
у твоего костра.
Да будут метели,
снега, дожди
и бешеный рев огня,
да будет удач у тебя впереди
больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен
бой, гремящий в твоей груди.
Я счастлив за тех,
которым с тобой, может быть,
по пути.

Это невероятно! Слёзы задушили меня. Мои любимые юношеские дорогие сердцу слова. Вспомнилась моя первая любовь. «...Пусть будет удач у тебя впереди больше чем у меня...», юный смешной и славный Ванечка произнёс эти слова, а мы не знали, кому принадлежат они. В 1968 году мы учились в восьмом классе, а великий поэт Бродский

в это время был сослан, этапирован под конвоем вместе с уголовными заключёнными, в Коношский район Архангельской области и поселился в деревне Норинская. В интервью Волкову Бродский назвал это время самым счастливым в своей жизни. Куры копаются в грязи на дворе, в Бродский изучает английскую поэзию, читает Уистена Одена. Это он ещё в 1939 году сказал: «Время... боготворит язык», а мир остался прежним.

Иллюзия присутствия

На эти прекрасные концерты Лиза ходила третий год. Они назывались «Старый Новый год с Денисом Мацуевым», поэтому в их женской компании и стали называться традиционными. В этом году билеты купили поздно и поэтому разрозненно расселись на балконе в разных местах. Огромный зал Crocus City Hall вмещал до семи тысяч человек. Народ, как муравьи, в суете раздевался и хаотично рассредоточивался кто в буфет, кто в туалет, кто так прогуливался в фойе. Программки все раскуплены и что будет звучать в первом отделении неизвестно. Когда в первой части концерта забушевали нечеловеческие страсти, Лиза никак не могла угадать, чья музыка звучит. Вторая часть, более лирическая, исправила её тяжёлое настроение, и нестерпимо захотелось узнать, что же звучало до антракта. Соседка слева, молодая ярко одетая дама ответила, что она понятия не имеет что звучало и ей абсолютно всё равно что, так как она приходит на Мацуева, и остальное не важно. Слава богу, я такая не одна, подумала Лиза, и в антракте вышла в фойе. Группа очень высоких женщин, как потом оказалось, баскетболисток беседовали и держали в руках яркий картон достаточно большого формата с портретом пианиста. Лиза поинтересовалась программой, и выяснилось, что звучал Иоганнес Брамс – первый концерт для фортепиано с оркестром, а во втором отделении ожидал-

ся Концерт Рахманинова.

Около сверкающей металлической колонны она увидела Женю. Не стоило сомневаться. Это была она. Такая же тоненькая, с короткой стрижкой, худое лицо в ареале курчавых чёрных волос, бледные губы, весёлый звенящий голос. Прошло лет двадцать, а она всё такая же молодая и весёлая. Лизу бросило в жар, исчез всякий интерес к происходящему, захотелось домой, забраться под одеяло, сладко заплакать и плакать долго-долго, пока не станет легче. Прозвенел звонок, толпа всколыхнулась и медленно поползла в зал. Место слева осталось пустым, видимо любительница Мацуева не выдержала Брамса, а может перебралась в партер. Бурно текущая музыка Рахманинова не поглотила Лизу. Она неотступно думала о Жене. Её лицо стояло перед глазами и слёзы душили и без спроса текли по лицу.

Эта давнишняя поездка в Таиланд так легко переменявшая налаженную жизнь, стояла в голове и мысли, раскрашенные в голубую воду пляжей и яркую зелень пальм и плетистых растений, как художественный фильм крутились разматывая эти дни жизни. Лиза не поехала на экскурсию на остров Ко Лан – один из островов в Сиамском заливе на восточном побережье Таиланда. Съеденная на улице жаренная рыба, очень вкусная, но видимо приготовленная не чисто, выключила беднягу из туристической поездки на «Коралловый остров». Костя поехал один, а Лиза осталась в отеле в обнимку с унитазом. Вернулся весёлый в шумной компании и взахлёб рассказывал о потрясающей рыбалке, белом песке

и нежно голубом цвете моря. Каким безмятежным был воздух, морская вода, шум пляжной толпы, весь этот отдых в далёкой стране, куда их занесло совершенно случайно, без всяких заранее заготовленных планов и страстных желаний там побывать. Просто позвонил друг Кости, сообщил о горящей путёвке за смешные деньги, и они рванули почти налегке. Когда Лиза увидела картинку на мониторе Костиного компа, она не придала этому никакого значения: нежно голубая вода Сиамского залива, маленькая пальма справа, а на берегу вдалеке, маленький тоненький силуэт девушки в белом купальнике с кудрявыми чёрными волосами, развевающимися от ветра. Потом Костя полюбил фотографировать и пошёл на курсы. Портреты кудрявой заполнили его папки, и даже один из них на каком-то конкурсе занял призовое второе место. Летом новые знакомые Кости приезжали на дачу, на шашлыки и там Лиза познакомилась с Женей. «Шашлыки» как-то странно себя вели, не было той весёлой атмосферы жарки мяса на природе, как-то всё скомкано и тревожно. Лиза чувствовала себя не в своей тарелке и лихорадочное веселье её мужа было непонятно и от того печально. Женина вежливость, её тонкая фигура и прыгающие от движения пружинки чёрных волос, раздражали Лизу. Конечно, она самой последней узнала об их романе. Через год развод тихо поставил точку в её жизни. Окружающий мир стал чугунным, серым, не нужным. Такой же она чувствовала и себя – деревянной, серой и никому не нужной. Несмотря на проис-

ходящее, Лиза общалась со свекровью, теперь уже с бывшей, но их близость была от души, они всегда очень тонко понимали друг друга. Интонации Елены Михайловны теперь были какими-то виноватыми и жалостливыми. Это невыносимо действовало на нервы. Лиза перестала ей звонить, но Елена Михайловна всё равно брала инициативу в свои руки, и они общались, но всё реже и реже. Однажды перед Новым годом Лиза позвонила поздравить и услышала плач ребёнка. – У нас родился Ромочка! – прошептала Елена Михайловна. С тех пор они не общались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.